

М. С. БАСТРАКОВА

ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА НАУКИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Статья посвящена благотворительному движению, которое в пореформенные десятилетия объединяло ученых, представителей делового мира, интеллигенции. Она рассказывает об исторических корнях движения, социокультурных условиях его развития во второй половине XIX в., о его основных направлениях и видных деятелях. Благотворительность в сфере науки способствовала существенному расширению научной деятельности. Пожертвования меценатов помогали учреждать в высших учебных заведениях новые кафедры, лаборатории, обсерватории, клиники. На частные средства создавались очаги исследовательской работы, независимые от высшей школы. Тысячи людей – от известных меценатов до скромных участников подписных кампаний – вносили деньги в фонды научных обществ, принимали финансовое участие в организации экспедиций, научно-просветительных мероприятий, в основании центральных и провинциальных музеев.

Ключевые слова: благотворительность, лаборатория, меценатство, музей, наука, научное учреждение, обсерватория, промышленники, университет, экспедиция.

Благотворительность в России в сфере науки и просвещения до сих пор практически не привлекала внимания исследователей. Между тем она имеет двухвековую историю, богатые традиции и знала немало известных деятелей, имена которых, за редким исключением, в течение многих десятилетий были, к сожалению, обречены на забвение. Вплоть до 1918 г. частная поддержка науки была неразрывной частью культурной жизни страны. Изучение ее истории представляет значительный интерес не только в общеисторическом или историко-культурном, но и в науковедческом отношении. В частности, оно позволяет ответить на вопрос о природе филантропии, обращенной к научной деятельности, установить связь этого феномена с процессами, протекавшими в общественной жизни, культуре и самой науке, дает многое для понимания того, как складывались и эволюционировали взаимоотношения науки и общества. Анализ исторического опыта негосударственной – частной и общественной – поддержки науки может оказаться весьма поучительным и полезным и в наши дни.

Наука в Российской империи всегда была «казенной». Научные учреждения создавались по воле монархов или властных структур, содержались за счет государства и работали под строгим контролем правительства. Средства, которые отчислялись им из государственной казны, как правило, были скудными и не соответствовали их нуждам.

Традиция частной поддержки научной и просветительной работы зародилась в России почти одновременно с появлением здесь первых научных

учреждений. Еще в XVIII в. некоторые просвещенные вельможи, близкие к трону, стали оказывать покровительство Академии наук и юному Московскому университету: дарили коллекции минералов и окаменелостей, гербарии, заспиртованные зоологические «куриозы», приборы, старинные монеты, редкие рукописи, книги. Начало зарождаться новое для культуры России явление – меценатство. Одним из его ранних проявлений стала поддержка научных и научно-образовательных учреждений. Частично меценатство было порождено искренним желанием поддержать отечественные центры науки и просвещения, частично оно было модным западным заимствованием, как и ряд других новшеств культурной жизни в послепетровскую эпоху. Меценатами – «покровителями наук и художеств» были еще единицы: граф М. И. Воронцов, княгиня Е. Р. Дашкова, горнозаводчик П. П. Демидов, граф И. И. Шувалов и некоторые другие, но сама тенденция была уже налицо.

В первой половине XIX в. она закрепились и приняла устойчивый характер. Расширился круг меценатов и благодетелей. Правительством поощрялось частную благотворительность в области науки и просвещения. Покровительство научным учреждениям, обществам и высшим учебным заведениям стало престижным занятием. В качестве меценатов выступали, главным образом, представители крупнопоместного дворянства. Тон задавала чиновная и придворная элита – члены знатных семей Голицыных, Демидовых, Мусиных-Пушкиных, Разумовских, Румянцевых, Строгановых, Шереметьевых и прочих. В целом то время можно назвать периодом дворянского, преимущественно аристократического меценатства, однако уже тогда среди «любителей наук и радателей просвещения» можно было встретить купцов, зажиточных горожан, мореплавателей, офицеров, не говоря уже о представителях еще только формировавшейся тогда интеллигенции.

Филантропия вельмож, как и далеко не знатных доброхотов, сводилась в основном к тому, что они время от времени дарили Академии наук, первым университетам и научным обществам ценные естественно-научные коллекции, живые растения из собственных парков и ботанических садов, собрания древностей и редкие рукописи, завещали библиотеки, иногда жертвовали дома и земельные участки, изредка – крупные денежные суммы. В историю благотворительности вошел П. Г. Демидов, вносящий в фонд Московского университета сотни тысяч рублей, основавший в Ярославле «высших наук училище», «равное университету» – Демидовский лицей. В целом это была еще редкая и нерегулярная, в основном разовая помощь, преимущественно «натурой», отдельным научным учреждениям, а не поддержка исследовательской работы как таковой. Случаев направленного финансирования научных исследований в какой-либо определенной области знания еще практически не было. Ярким, но исключительным научным и общекультурным явлением стала благотворительная деятельность канцлера графа П. Н. Румянцева, сыгравшая видную роль в развитии географических и исторических исследований. Он снаряжал за свой счет морские географические экспедиции, в том числе кругосветные, в которых участвовали ученые-естествоиспытатели, издавал отчеты об их результатах. Ему принадлежит честь организации и финансирования крупного неформального объединения исследователей – историков, археографов, филологов, библиографов и других специалистов, члены которого

в течение ряда лет выявляли, изучали и публиковали письменные источники по истории средневековой Руси и ее культуры.

Важным этапом в истории благотворительной поддержки науки стала вторая половина столетия. Конец мертвящего режима Николая I, «оттепель» конца 1850-х и реформы первой половины 1860-х гг. – все это развязало личную и общественную инициативу, вызвало значительное оживление экономической, общественной и культурной жизни. Одной из характерных черт пореформенной России стал небывалый размах благотворительности во всех областях культуры, включая науку. На частные и общественные средства или, во всяком случае, при значительном привлечении таких средств строились больницы, действовали народные школы, педагогические и технические училища, учреждались общедоступные галереи искусств и музеи, создавались кафедры и лаборатории, клиники и другие «научно-практические учреждения» в высших учебных заведениях.

В одной из публицистических статей 1912 г., разоблачавших репрессивную политику Министерства народного просвещения по отношению к науке и высшей школе, В. И. Вернадский писал:

Русская умственная культура в XIX и начале XX веков может считаться созданием общественной самодеятельности. Государственная организация большею частью являлась враждебным ей элементом¹.

Это высказывание, несмотря на его явную полемическую заостренность, справедливо оценивало условия социальной жизни науки и характер научного движения в России в XIX столетии, особенно в его второй половине.

В правительственной политике традиционно преобладали не созидательные, а охранительные тенденции. Власти преследовали свободную творческую мысль, увольняли профессоров и преподавателей высших учебных заведений, заподозренных в инакомыслии и «неблагонадежности», закрывали университеты «по полицейским соображениям», не заботясь о том, что разрушаются сложившиеся творческие коллективы и молодые научные школы. Сеть научных учреждений, создававшихся по инициативе государства и на его средства, росла крайне медленно. Возникновение новых исследовательских подразделений в системе Академии наук и высшей школы, тормозили, во-первых, скудное бюджетное финансирование, а во-вторых, различные официальные «установления», жестко регламентировавшие номенклатуру научных дисциплин, «показанных к изучению», количество и состав кафедр, научных кабинетов и лабораторий, численность «ученого персонала» и т. п. Штаты Академии наук и высших учебных заведений не пересматривались долгие годы, а в результате новые направления исследований, рождавшиеся в ходе научного прогресса, с трудом находили себе место в их стенах.

И все же во второй половине XIX в. наука в России переживала подъем. К. А. Тимирязев называл этот период ее развития «золотым веком русского естествознания», «весной русской науки». Открытия и блестящие труды оте-

---

¹ Вернадский В. И. 1911 г. в истории русской умственной культуры // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 186.

чественных ученых заслужили высокую оценку мирового научного сообщества. Росла не только творческая, но и социальная активность творцов науки. Независимо от намерений государства, а нередко и вопреки им расширялась научная деятельность, рождались новые – негосударственные – формы ее организации и стимулирования, становились все более тесными и многообразными связи науки и общества.

Ученые, работавшие в то время, например, А. П. Богданов, Н. П. Вагнер, П. П. Семенов (Тян-Шанский), И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев напрямую связывали расцвет отечественной науки с реформами первой половины 1860-х гг. Среди факторов, повлиявших, по их наблюдению, на ее подъем в пореформенный период, они особо выделяли «развитие общественной самодеятельности в области науки». С этим явлением, в частности, был связан стремительный рост числа научных обществ, возникавших в центре и на периферии, включая самые отдаленные края и губернии. Именно они были преобладающим типом научных учреждений, создававшихся в течение 1860–1890-х гг. К концу XIX столетия их сеть покрыла значительную часть территории страны, а работа, по свидетельству современников, «охватила все доступные пределы науки». Не рассчитывая на помощь властей, ученые объединялись, своими силами изыскивали средства для проведения исследований, выходящих за рамки возможностей «казенных» научных учреждений, а иногда организовывали их за собственный счет. В научную жизнь стали входить общественные комитеты и комиссии, которые осуществляли проекты, требовавшие объединения «ученых сил» и «ученых средств». Начали работать съезды ученых разных специальностей: естествоиспытателей и врачей, медиков, археологов и историков, деятелей техники. Они не только служили орудием консолидации научного сообщества, но и становились его «коллективным мозгом».

Неотъемлемой составной частью «общественной самодеятельности в области науки» была филантропическая помощь, которую оказывало начинаниям ученых российское образованное общество – нравственная и, что особенно важно в условия хронической бедности науки, материальная помощь сограждан. В этот период она стала правилом научной жизни, а не исключением, как это было прежде. Изменились ее приоритеты и характер. В главный объект благотворительности превратилась сама научная деятельность в современном смысле этого понятия, а основным средством ее стимулирования стала финансовая помощь, что не исключало, однако, традиционной помощи «натурой». Серьезные сдвиги произошли во взаимоотношениях ученых и благотворителей: творцы науки начали активно влиять на характер и направление филантропического движения.

Ученые понимали, что для стабильного развития исследовательской работы разовые благотворительные акции недостаточны. По их убеждению, она должна быть предметом постоянной заботы не только государства, но и всего российского общества. По выражению московского зоолога Богданова, одного из видных организаторов науки того времени, помогать научно-исследовательским учреждениям и научно-образовательным программам – это «не колокол отлить и не больницу или школу устроить», это значит «помогать очень большому и важному научному и культурному делу, рассчитанному на

будущее»². Именно поэтому благотворительность в сфере науки должна стать общественным делом, а ее эффективность и стабильность могли бы обеспечивать особые организации: «общества друзей науки», фонды «в поддержку науки» и т. п. или временные объединения «образованных доброхотных людей», созданные для поддержки конкретных «ученых предприятий и учреждений». Эту мысль деятели науки не раз высказывали, выступая в печати, на заседаниях научных обществ, с трибуны своих съездов.

Необходимость негосударственной поддержки науки стала центральной темой речи известного физиолога и гигиениста Г. Ф. Гойера, с которой он в 1876 г. обратился к участникам и гостям V Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве. Он подчеркнул, что только опираясь на «деятельное сочувствие общества», наука «сможет утвердиться на нашей почве».

В первую очередь, по его мнению, в финансовой и интеллектуальной поддержке «нуждаются наши бедно снабженные научные учреждения». Не меньшее право на внимание и материальную помощь имеют сами работники науки. Гойер утверждал:

Необходимо поставить естествоиспытателей в такое положение, чтобы заботы о насущном хлебе не отнимали у них всего времени, необходимого хотя бы и для скромных вкладов в сокровищницу науки.

Он призывал всех тех, кто был заинтересован в развитии научно-исследовательской работы, активно включиться в дело ее всесторонней поддержки:

Самостоятельные частные лица, кружки или организации, общества друзей науки могли бы много содействовать успехам науки учреждением научных лабораторий, наблюдательных станций, доставлением средств и поддержкой юных деятелей в области науки, основанием новых ученых журналов, которыми так бедна наша литература, изданием ученых трудов, сочинений³.

О том, что, решая проблему помощи науке, следует опираться на органы, «могущие привлечь общественные силы», на «людей реального дела» и «авторитетных практических деятелей», т. е. представителей бизнеса, как сказали бы сегодня, неоднократно говорил и писал Богданов. По воспоминаниям его сотрудников, он сам принадлежал к числу деятелей, обладавших

искусством организовывать общественные силы для научных и образовательных целей, путем устройства обществ, выставок и музеев, осуществления экспедиции, изданий и т. п.⁴

² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 446. Оп. 1-а. Д. 90. Л. 9–10.

³ Труды V Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве. Варшава, 1877. Вып. 1. Протоколы и речи общих заседаний. С. 49–50, 56.

⁴ См., например: *Анучин Д. Н.* А. П. Богданов // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Кн. 6. С. 58.

Он, как никто другой, умел привлекать внимание видных представителей делового мира к нуждам научных учреждений и добиваться их участия в поддержке начинаний ученых.

В пореформенные годы родилась мысль о создании на благотворительные средства научных центров, «независимых от государственной казны», в том числе об альтернативной – «вольной» – Академии наук. Эта идея, по свидетельству современников, буквально носилась в воздухе. Тема независимых научных учреждений возникала во время неофициальных встреч ученых, на так называемых «журфиксах», обсуждалась в кружках и салонах «лиц либеральных профессий». Чем реакционнее становилась политика правительства по отношению к науке и просвещению, тем большую популярность приобретала эта идея не только среди ученых, но и среди деятелей культуры, казалось бы, далеких от науки. Среди заметок Ф. М. Достоевского, относящихся к 1880 г., имеется, например, запись:

Проект Русской вольной академии наук. По поводу отвергнутого Менделеева, почему бы не завести нашим русским ученым своей Вольной академии наук (пожертвования)⁵.

Во второй половине XIX в. мысль об альтернативных центрах науки и образования не нашла реального воплощения, но именно тогда она вошла в общественное сознание, более того, уже тогда были сделаны первые шаги к ее реализации.

В 1860–1890-е гг. в центре внимания ученых прежде всего стоял вопрос о том, чем и как пополнить голодный паек, на котором государство держало науку. В поисках средств они обращались к купцам и промышленникам, объявляли подписные кампании, устраивали платные публичные чтения, лекции, благотворительные концерты и т. п., т. е. апеллировали ко всему обществу. В оказании помощи научным учреждениям и обществам, исследовательским и научно-просветительным предприятиям принимали участие, как писали тогда газеты, «люди всяких чинов» и «разного достатка», в том числе «обыватели весьма скромного состояния». Среди крупных спонсоров – «финансиров», как их тогда называли, – можно было встретить членов царской фамилии и видных представителей торгово-промышленных кругов; среди более мелких благотворителей – офицеров, чиновников, профессоров высшей школы, преподавателей гимназии и реальных училищ, инженеров, врачей, писателей.

Большое распространение получили различные благотворительные общества, кружки и фонды. В 1859 г. было учреждено Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В университетах работали «общества вспомоществования недостаточным студентам». Их организаторами были профессора и преподаватели высшей школы и видные деятели культуры, например, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, А. В. Никитенко, И. С. Тургенев и другие. Капитал этих и подобных им организаций формировался в основном за счет членских взносов и пожертвований. В 1878 г. в Петербурге было учреждено «Общество для доставления средств Высшим женским курсам». Оно

⁵ *Достоевский Ф. М.* Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 358.

объединяло сотни людей, которые не только вносили в его фонд собственные средства, но и привлекали денежные вклады жертвователей, не входивших в число его сочленов, устраивали литературные чтения, благотворительные концерты, базары. В 1892 г., отвечая на письмо известной поборницы женского образования Н. В. Стасовой, которая сетовала на то, что курсы приходится поддерживать такими способами, И. М. Сеченов возразил: «...а мне так кажется, способ поддержания их усилиями частных лиц добрым знаком и во всяком случае поучительным знамением нашего русского времени». По его мнению, «привлечение общественного кармана к полезным делам дело хорошее»⁶.

За счет капиталов, пожертвованных благотворителями, и средств, собранных по подписке, формировались поощрительные премиальные фонды при Академии наук, университетах, научных обществах. В 1864 г. академик К. М. Бэр доложил на заседании физико-математического отделения Академии наук, что «некоторые из его друзей собрали по подписке с Высочайшего соизволения» капитал, проценты с которого предназначаются для основания премии его имени⁷. В 1880 г. В. Ф. Лугинин пожертвовал крупную сумму денег на премию по химии им. Н. Н. Соколова. На частные средства была учреждена премия им. А. М. Бутлерова. В 1890 г. Петербургское общество естествоиспытателей «на счет процентов с капитала, собранного по подписке», основало премию в память К. Ф. Кесслера. В 1893 г. совет Казанского университета объявил о сборе средств для создания фонда имени Н. Н. Лобачевского. Подписная кампания приобрела всероссийский характер, в ней участвовали профессора и преподаватели практически всех российских университетов, некоторых специальных высших училищ, гимназий, кадетских корпусов. Взносы поступали со всех концов страны – из Астрахани, Варшавы, Дерпта, Москвы, Оренбурга, Петербурга, Самары, Симбирска, Тифлиса и других городов.

По общественной инициативе и в основном на общественные средства велось изучение крупных регионов страны, исследование природы и естественных ресурсов отдельных губерний. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. по инициативе Петербургского общества естествоиспытателей был образован Комитет по изучению Крыма («Крымский комитет»). Он не имел собственных средств и действовал на отчисления из бюджета общества, личные средства членов комитета, взносы местных благотворителей и субсидии земств Таврической губернии. На тех же началах была организована работа Невской комиссии, целью которой было изучение Петербургского региона. В ее деятельности принимали участие члены ведущих научных обществ Санкт-Петербурга: Вольного экономического, Русского географического, Физико-химического, обществ Естествоиспытателей, Русских врачей, Любителей садоводства и некоторых других. Капитал комиссии формировался за счет средств общественных участников, частных пожертвований и сравнительно небольших субсидий, поступавших от Петербургской городской думы и уездных земских управ. На

⁶ Иван Михайлович Сеченов: неопубликованные работы, переписка и документы // Научное наследство. М., 1956. Т. 3. С. 230.

⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Протоколы ФМ. 1864. № XIII. § 101.

благотворительные средства вели свою работу кружки и общества по изучению местного края, одно за другим возникавшие на территории России.

Как уже отмечалось выше, в истории отечественной культуры пореформенный период был отмечен помимо всего прочего расцветом меценатства. Это явление было исторически связано со становлением и развитием торгово-промышленного класса, который быстро набирал силы и активно вторгался в общественную и культурную жизнь. Популярный в то время писатель П. Д. Боборыкин, славившийся тем, что одним из первых замечал и откликался на новые тенденции, рождавшиеся в области культуры и быта, отметил в начале 1880-х гг.:

...миллионер-промышленник, банкир и хозяин амбара не только занимают общественные места [...] Они начинают поддерживать своими деньгами умственные и художественные интересы, заводят галереи, покупают дорогие произведения искусства для своих кабинетов и салонов, учреждают стипендии и делаются покровителями разных школ, ученых обществ, экспедиций, живописцев и певцов, актеров и писателей⁸.

Торгово-промышленный класс формировал свою социокультурную среду, отличительными чертами которой были «широкая благотворительность, коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний»⁹. Выходцы из этой среды нередко становились, по выражению К. С. Станиславского, происходившего из рода именитых московских купцов Алексеевых, «строителями русской культурной жизни» – видными художниками, музыкантами, писателями или учеными, как, например, Н. К. Кольцов, С. П. Боткин, М. С. Воронин, П. Н. Лебедев, П. И. Новгородцев, Д. П. и Ф. П. Рябушинские, А. Г. Столетов. Некоторые оставили заметный след в истории отечественной культуры, взяв на себя роль меценатов.

В 1860–1890-е гг. изменился сословный облик меценатов. На филантропическом Олимпе меценатов-вельмож сменили «железнодорожные короли», текстильные и нефтяные магнаты, золотопромышленники, банкиры. Широкою известность приобрели «покровители изящных искусств», поддерживавшие художников, скульпторов и композиторов, создававшие частные художественные галереи, центры музыкального образования, театры. Славу «строителей русской культурной жизни» по праву заслужили С. И. Мамонтов, М. А. и С. Т. Морозовы, братья А. Г. и Н. Г. Рубинштейны, П. М. Третьяков, С. И. Щукин. Гораздо меньше известны и до последнего времени, в сущности, оставались забытыми имена тех, кто направлял свои усилия и средства на поддержку научной деятельности. Между тем помощь ученым, создание новых исследовательских учреждений, финансирование экспедиций и научно-просветительных проектов были не менее важны для российской культуры, чем учреждение художественных галерей или поддержка мастеров изобразительного, музыкального и театрального искусств. К сожалению, значение их совокупной культурной работы и личный вклад каждого из них в развитие

⁸ П. Б. Письма о Москве. Письмо первое // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 378–379.

⁹ Бурыйкин П. А. Москва купеческая. М., 1990. С. 104.

просвещения и научной деятельности еще не только не оценены по достоинству, но даже не изучены.

В финансировании научно-исследовательской и научно-просветительной работы принимали участие многие видные представители делового мира, в частности, «железнодорожные короли» П. И. Губонин, П. Г. фон Дервиз, К. Ф. фон Мекк, И. П. и Н. П. Малютины, фабриканты Т. С. Морозов и Н. И. Найденов, золотопромышленники И. Ф. Базилевский, М. С. Сидоров, А. М. и И. М. Сибиряковы, известный предприниматель и книгоиздатель К. Т. Солдатенков. Материальную поддержку начинаниям ученых оказывали члены семей крупных предпринимателей: Алексеевых, Базуновых, Гучковых, Морозовых, Нобелей, Пасхаловых, Рябушинских, Хлудовых, Шелапутиных и других. При финансовом участии тузов российского бизнеса появлялись новые высшие учебные заведения, кафедры, лаборатории, клиники и обсерватории. Они активно участвовали в организации научно-образовательных выставок и создании общедоступных музеев. В начале XX в. В. И. Вернадский констатировал:

Долгие годы русская буржуазия в лице русского купечества была далека от интересов научного знания [...] Во второй половине XIX в. замечен в этом отношении ясный поворот. К концу века и сейчас этот элемент научного прогресса становится все более заметным в русской жизни. Русская буржуазия вошла в научную творческую работу как личным трудом, так и организацией нужных для научного развития средств¹⁰.

Во второй половине XIX в. наметились и закрепились основные направления филантропической поддержки науки. В центре внимания благотворителей, как и в первой половине столетия, находились высшие учебные заведения, в первую очередь университеты. В 1860–1890-х гг. они были фактическими лидерами научного движения, между тем как их «бедно снабженные научные учреждения» постоянно испытывали нужду в самом необходимом. Нередко исследователи были вынуждены своими силами устраивать лаборатории для разработки новых направлений науки, на собственные средства приобретать препараты и приборы.

При участии благотворительного капитала создавались новые научно-образовательные центры в провинции. Так, промышленники Сибири приняли активное участие в создании и финансировании работы Томского университета – первого на территории этого края. Особенно крупные суммы пожертвовали известные меценаты золотопромышленники И. М. Сибиряков и З. М. Цыбульский. Благотворительные средства, будь то многотысячные пожертвования меценатов или деньги людей «скромного достатка», собранные по подписке, составляли весомую часть бюджета старых университетов. Московский университет, например, по данным его отчета за 1876 г. получил «по Высочайше утвержденной смете и дополнительным кредитам» 528 517 руб. 65 коп., тогда как благотворительные средства в том же году составили 546 218 руб. 65 коп., т. е. даже несколько превысили государственные ассиг-

¹⁰ Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 69.

нования¹¹. Некоторые меценаты, в частности, К. Т. Солдатенков, ежегодно вносили крупные денежные суммы в его фонд.

Филантропическая поддержка научно-образовательных центров помогала им расширить возможности не только учебной, но и, что особенно важно, исследовательской работы. Вот несколько примеров.

Во второй половине 1860-х гг. А. Н. Бекетову и А. С. Фаминцину удалось организовать строительство новых помещений для ботанических кафедр Петербургского университета. Финансовую помощь оказал их коллега М. С. Воронин, выходец из среды предпринимателей, располагавший солидным собственным капиталом. В 1873 г. известная меценатка Н. Ф. фон Мекк внесла значительную сумму в фонд Московского университета, и этот дар позволил ускорить открытие кафедры антропологии. В начале 1870-х гг. на частные средства была оборудована астрономическая обсерватория Новороссийского университета. Среди новейших приборов, закупленных при содействии благотворителей, был телескоп-рефрактор, на котором выполнял свои исследования А. К. Кононович, один из первых астрофизиков России. В середине 1880-х гг. приступила к работе астрофизическая обсерватория Петербургского университета. По рекомендации профессора Ф. Ф. Петрушевского деньги на ее сооружение и оборудование пожертвовал сибирский золотопромышленник и астроном-любитель И. Ф. Базилевский. В конце столетия «короли» текстильного производства спонсировали организацию кафедры текстильного дела и создание специальной лаборатории при Московском техническом училище. Возможно, это нельзя считать чисто филантропической акцией, скорее, это было направленное стимулирование подготовки научных кадров и практических специалистов в области технологии, интересовавшей промышленников.

Частные пожертвования послужили финансовой основой для учреждения Клинического института при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (1885). Инициатором его создания был профессор академии Э. Э. Эйхвальд. По замыслу Эйхвальда и его единомышленников институт должен был стать центром, где «практические врачи» могли бы «пополнять свои познания по всем разделам медицины», а молодые ученые, особенно «не пользовавшиеся фавором академического начальства», получать «все возможности для развития своей научной и преподавательской деятельности помимо Конференции Медико-хирургической академии»¹².

Предполагалось, что он будет исследовательским центром и одновременно «школой свободного преподавания». Подготовка к созданию этого учреждения велась с конца 1860-х гг.: учение разрабатывали планы, добивались разрешения властей, собирали средства. Крупный денежный взнос (75 тыс. руб.) сделал сам Эйхвальд. Ему удалось привлечь широкий круг благотворителей. В частности, по его совету существенную материальную помощь институту оказала великая княгиня Елена Павловна, известная благотворительница, покровительница писателей и ученых. Это обстоятельство послужило причи-

¹¹ Отчет и речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1877 г. М., 1877. С. 13–14.

¹² *Сталь А.* Пережитое и передуманное. СПб., 1908. С. 105.

ной того, что новое учреждение получило название «Клинический институт в память Великой княгини Елены Павловны» («Еленинский институт»).

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. в строй научных учреждений Москвы вступили институты-клиники Московского университета, ставшие центрами исследовательской, практической и учебной работы в различных областях научной и клинической медицины – педиатрии, невропатологии, общей и экспериментальной психологии, онкологии, гинекологии и других. Их проекты разработали ведущие ученые медицинского факультета: невропатолог А. Я. Кожевников, психиатр С. С. Корсаков, педиатр Н. Ф. Филатов, гигиенист Ф. Ф. Эрисман. Деньги на строительство зданий и оборудование дали московские толстосумы: Ю. И. Базунов (Клиника болезней уха-горла-носа), С. Т. Морозов (Онкологическая и Психиатрическая клиники), Е. В. Пасхалов (Акушерская клиника), М. А. Хлудов (Клиника детских болезней), П. Г. Шелапутин (Гинекологическая клиника) и другие представители крупного бизнеса. По отзывам современников, институты-клиники были оборудованы «по последнему слову тогдашней научной и больничной техники». В 1892 г. Сеченов в уже цитировавшемся выше письме Стасовой сообщил: «Московское купечество пожертвовало на устройство университетских клиник более двух миллионов, и клиники получились превосходные»¹³. Комплекс их зданий на Девичьем поле (ныне ул. Большая Пироговская) составил целый научно-медицинский городок. Здания возводились по индивидуальным проектам, учитывавшим специфику каждой клиники, были хороши в архитектурном соотношении и сразу же вошли в число достопримечательностей Москвы.

Во второй половине XIX в. намечился перелом в организации науки: стали появляться частные исследовательские учреждения. Их создавали и содержали сами ученые. Первыми были еще небольшие «публичные» химические лаборатории, очень недолговечные: проработав от трех до пяти лет, они закрывались, частично из-за нехватки средств, частично из-за преследования властей. В 1852 г., например, петербургский химик П. А. Ильенков основал частную лабораторию, как вспоминал его коллега Н. Н. Бекетов, «хорошо приспособленную для научно-химических исследований», и «всякий желающий мог производить там опыты по химии»¹⁴. При ней сложился кружок ученых, собиравшийся на квартире Ильенкова. Среди участников кружка были Н. Н. Бекетов, Н. Н. Зинин, Н. Н. Соколов, Ю. Ф. Фрицше, Л. Н. Шишков, А. Н. Энгельгардт и некоторые другие. По мнению Н. Н. Бекетова, «это был, пожалуй, зачаток или, лучше сказать, предвестник Русского химического общества»¹⁵. Во время своих встреч ученые обсуждали преимущественно научные проблемы, однако нередко затрагивали и злободневные общественно-политические вопросы. Это последнее обстоятельство привлекло к кружку внимание полиции. В 1856 г. кружок прекратил свое существование, закрылась и сама лаборатория.

¹³ Иван Михайлович Сеченов... С. 230.

¹⁴ Бекетов Н. Н. История химической лаборатории Академии наук // Ломоносовский сборник. Материалы к истории развития химии в России. М., 1901. С. 104–105.

¹⁵ Там же. С. 105.

Год спустя Соколов и Энгельгардт по совету Зинина организовали в Петербурге лабораторию,

где молодые химики могли бы за очень небольшую плату находить все необходимое для производства своих исследований, чего нельзя было найти в то время даже в университете ¹⁶.

Содержать ее без дополнительной материальной поддержки было трудно, и в 1860 г. ученым-основателям пришлось ее закрыть, а оборудование передать в распоряжение Санкт-Петербургского университета. Есть сведения о недолгой деятельности лаборатории, учрежденной Л. Н. Шишковым, и о намерении московских химиков организовать акционерное общество, целью которого было бы создание общедоступной платной исследовательской лаборатории в Москве. Этот замысел не осуществился.

В середине 1870-х гг. попытку устроить частную лабораторию в Петербурге предпринял физико-химик В. Ф. Лугинин. Она тоже просуществовала недолго и была закрыта по политическим причинам. Дело в том, что в 1860-х гг. ученый жил в Европе, где обучался и стажировался в лучших научных центрах. В это время он познакомился и близко сошелся с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, выполнял отдельные поручения «лондонских изгнанников» и, по некоторым данным, был связан с нелегальными организациями, действовавшими в России, в частности, с обществом «Великорусс». В правоохранительных структурах он заслужил репутацию «опасного нигилиста и революционера». За Лугининым и его лабораторией было установлено полицейское наблюдение. Ситуация особенно обострилась весной 1881 г. после убийства Александра II, когда лабораторию «открыто начали навещать полицейские чины», и, по словам ученого, «работа творческой мысли сделалась невозможной». Лугинин вынужден был свернуть работу лаборатории и на время покинуть Россию.

Бывали случаи, правда, редкие, когда ученые в поисках более комфортных условий исследовательской работы создавали очаги научной деятельности за границей. Именно так поступил, например, тот же Лугинин. Уехав в 1881 г. из России, он обосновался во Франции и открыл в Париже собственную физико-химическую лабораторию, в которой вместе с ним работали видные иностранные ученые, преимущественно французские, и молодые исследователи, приезжавшие из России. В лаборатории Лугинина талантливые начинающие химики получали возможность сблизиться с научным сообществом Европы, познакомиться с идеями и методами работы таких «столпов» физической химии, как Л. Гримо, А.-Ж. Ле Бель, Ш. Фридель, А. Ле Шателье и др.

Еще одним примером научного учреждения, созданного россиянином за рубежом, может служить обсерватория В. П. Энгельгардта. Энгельгардт – крупный землевладелец, юрист по образованию, коллекционер и астроном-любитель – в 1870-х гг. основал в Дрездене обсерваторию, завоевавшую репутацию одной из лучших в Европе. Он оснастил ее первоклассными на-

---

¹⁶ *Тимирязев К. А.* Лавуазье XIX столетия // *Тимирязев К. А.* Полное собрание сочинений. М., 1938. Т. 8. С. 271.

блюдательными инструментами, среди которых был 12-дюймовый телескоп-рефрактор, считавшийся третьим после Пулковского по своим рабочим характеристикам. Энгельгардт сотрудничал с директором обсерватории Казанского университета Д. И. Дубяго – консультировался с ним, посылал результаты своих наблюдений для дальнейшей научной обработки. Впоследствии уже в начале нового столетия он передал инструменты своей обсерватории в дар Казанскому университету для оборудования новой – «загородной» – университетской обсерватории, построенной на рубеже 1890–1900-х гг. Новому центру астрономических исследований было присвоено имя Энгельгардта («Энгельгардтовская обсерватория»).

Важным научно-организационным проектом, который российские ученые осуществили за рубежом, было создание Русской зоологической станции в Виллафранке – небольшом городке на французском побережье Средиземного моря. В 1887–1888 гг. ее основал профессор Киевского университета А. А. Коротнев после того как потерпели неудачу многолетние попытки исследователей-зоологов добиться правительственных ассигнований на ее создание. Она была задумана как база для изучения средиземноморской фауны, преимущественно пелагической. В 1890-е гг. там работали зоологи, представлявшие все университетские центры Российской империи – Варшаву, Дерпт, Казань, Киев, Москву, Одессу, Петербург, Харьков. Среди них были как сложившиеся ученые, например, Н. П. Вагнер, В. В. Заленский, А. О. Ковалевский, А. А. Коротнев, М. И. Мензбир, Н. П. Шимкевич, так и начинающие. Станция не только обеспечивала стационарное исследование средиземноморской фауны, но и снабжала экспериментальным и учебным материалом университеты страны. Со временем она завоевала популярность среди иностранных ученых и стала приобретать общеевропейское значение. Русская зоологическая станция в Виллафранке просуществовала почти до начала Первой мировой войны. В течение первых десяти лет своей работы она содержалась в основном за счет личных средств Коротнева, взносов ученых, работавших на станции, и благотворительной помощи. Только десять лет спустя, в 1897 г., российское правительство приняло ее «под свое покровительство», и она начала получать субсидии от Министерства народного просвещения и морского ведомства.

Научные учреждения, создававшиеся учеными за рубежом, независимо от причин, вызвавших их появление, служили развитию отечественной науки: превращались в ее опорные пункты за пределами России, становились очагами сотрудничества российских и европейских ученых.

В конце столетия в России на частные средства был основан ряд крупных исследовательских учреждений, деятельность которых продолжилась в следующем столетии и оставила заметный след в истории отечественной науки.

Самый известный из них Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), первый в России независимый от высшей школы центр, сосредоточивший в своих стенах разработку важнейших научно-медицинских проблем, актуальных вопросов микробиологии, бактериологии, патологии и терапии инфекционных заболеваний, физиологии. В конце XIX – начале XX в. здесь работали выдающиеся ученые, в том числе биохимик М. В. Ненцкий, микробиологи С. Н. Виноградский и Д. К. Заболотный, физиологи И. П. Павлов и Л. А. Орбели. «Высочайшее соизволение» на создание ИЭМ было дано еще в 1886 г., но

«без отпуска средств от казны». Он был учрежден в 1890 г. на средства одного из членов императорской фамилии принца А. П. Ольденбургского, известного филантропа, поддерживавшего санитарные проекты и научно-медицинские исследования; с его именем было связано, в частности, создание Пастеровской (бактериологической) станции в Петербурге. При организации ИЭМ и в первые годы его работы большую роль играли частные пожертвования, причем это были в основном взносы видных ученых и деятелей медицины, например, крупную денежную сумму внес один из инициаторов создания института и его первый директор бактериолог Э. Ф. Шперк. Несколько лет спустя после основания ИЭМ начал получать государственные субсидии, но тем не менее постоянно нуждался в дополнительных ассигнованиях. Материальную помощь институту по-прежнему оказывал принц Ольденбургский, курировавший его работу, и некоторые представители делового мира, в частности, члены кланов предпринимателей Морозовых и Нобелей.

В 1889 г. на родину вернулся Лугинин. В 1891 г. он основал в Москве частную Термохимическую лабораторию. Это было первое в России учреждение, специально предназначенное для исследований в этой области химической науки. При ее организации Лугинин использовал оборудование своей парижской лаборатории и во многом опирался на опыт, накопленный за время ее работы. Новая лаборатория размещалась в одном из помещений Московского университета, которое ей предоставил В. В. Марковников, хотя была совершенно автономна и не входила в число университетских научных подразделений. По оценке современников, Термохимическая лаборатория Лугинина была одной из лучших в мире по оборудованию, организации, а главное – по уровню выполнявшихся исследований. Здесь работали В. И. Вернадский, Д. Н. Дьяконов, П. В. Зубов, И. П. Осипов, М. Н. Шатерников и другие, стажировались начинающие исследователи, обучались студенты. В 1897 г. Лугинин подарил Московскому университету богатую естественно-научную библиотеку, а шесть лет спустя, в 1903 г., передал в его распоряжение и свою прославленную лабораторию.

В 1880-х гг. профессор Петербургского университета П. Ф. Лесгафт выдвинул идею создания «автономного» научного учреждения – института или самостоятельной лаборатории, где бы велось комплексное исследование проблем биологии, а при нем предполагал открыть «вольную высшую школу». Ученому удалось, хотя и не полностью, осуществить этот проект благодаря помощи сибирского золотопромышленника И. М. Сибирякова, пожертвовавшего для создания такого учреждения дом в центре Петербурга стоимостью в 150 тыс. руб. и неприкосновенный капитал в 200 тыс. руб., проценты с которого обеспечили первоклассное оборудование нового очага исследовательской работы и его содержание в последующие годы. В 1893–1894 гг. Санкт-Петербургская биологическая лаборатория приступила к работе. В ее составе был создан ряд специализированных подразделений, общей целью которых было «интенсивное и всестороннее изучение вопросов биологии» и некоторых смежных естественно-научных дисциплин. В течение 1890–1900-х гг. она превратилась в многопрофильное исследовательское учреждение, где разрабатывались взаимосвязанные проблемы различных отраслей естествознания от физики и химии до физиологии и психологии человека. Видное место в

ее деятельности занимало изучение теоретических и практических вопросов, связанных с физической культурой людей и ее воспитанием. Осуществить идею «вольной высшей школы» не удалось, тем не менее одним из направлений работы Биологической лаборатории была пропаганда естественно-научных знаний – проведение лекций по актуальным вопросам естествознания, организация популярных чтений и бесед как в стенах лаборатории, так и вне ее. Новое учреждение быстро завоевало популярность среди ученых, петербургской интеллигенции и учащейся молодежи. Известный публицист А. Е. Пешехонов назвал лабораторию Лесгафта «одним из самых оригинальных и самых живых учреждений тогдашнего Петербурга»¹⁷.

После смерти Лесгафта в 1909 г. коллектив Биологической лаборатории продолжал, как и при его жизни, систематическое комплексное исследование вопросов биологии в тесной связи с проблемами, рождавшимися в ходе развития естествознания, и научно-просветительскую работу. Лаборатория не пользовалась материальной поддержкой государства. По свидетельству известного ученого и революционера Н. А. Морозова, который после Октябрьской революции был избран ее директором, «все расходы по научной и просветительной деятельности покрывались местными пожертвованиями и главным образом доходами с ее недвижимого имущества»¹⁸. В 1918 г. Петербургская биологическая лаборатория была национализирована и преобразована в Петроградский научный институт им. П. Ф. Лесгафта.

Итак, благотворительный капитал играл заметную роль в расширении исследовательской базы высших учебных заведений – в создании при них новых научных подразделений и «научно-практических учреждений», с ним было связано рождение «независимых от государственной казны» лабораторий, а на исходе века – создание крупных по меркам того времени исследовательских учреждений, заслуживших авторитет в научном сообществе и унаследованных в XX в.

Одним из направлений филантропической поддержки науки была и помощь научным обществам. Во второй половине XIX в. не только значительно выросла их численность, но и существенно изменились их задачи и функции. На одно из первых мест выдвинулись проблемы организации и обеспечения научной деятельности. Выступая в марте 1864 г. на первом заседании московского Общества любителей естествознания, Г. Е. Щуровский подчеркнул, что в деятельности естественно-научных обществ особенно важным становится «изыскание средств к распространению серьезных занятий естествознанием в России»¹⁹.

Роль научно-общественных организаций в развитии отечественной науки трудно переоценить: они создавали ячейки научной деятельности в центре и на местах, организовывали и нередко финансировали экспедиции, поддерживали индивидуальные исследовательские проекты ученых, устраивали научно-образовательные выставки, основывали общедоступные музеи. Ничего подобного культурная жизнь страны до того времени не знала. В сущности,

¹⁷ Пешехонов А. Памяти П.Ф. Лесгафта // Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб., 1912. С. 194–195.

¹⁸ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов / Отв. ред. К. В. Островитянов. Л., 1968. С. 254.

¹⁹ АРАН. Ф. 446. Оп. I-а. Д. 59. Л. 19–20.

общества выступали как спонсоры отечественной науки. Между тем их материальные возможности далеко не отвечали размаху их работы. Государственные ассигнования составляли от 1,5 до 3 тыс. руб. в год в зависимости от «ранга» того или иного общества. Большинство научных объединений, рассыпанных по огромной территории России, создавалось и функционировало в основном на деньги местных благотворителей. Они вообще не получали правительственной помощи и были вынуждены довольствоваться скудными и нерегулярными отчислениями из скромного бюджета местных земств. Научные общества, даже такие крупные и авторитетные, как Русское географическое и Русское физико-химическое в Петербурге или Общество испытателей природы и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, могли развивать свою научную, научно-организационную и научно-просветительную деятельность только опираясь на общественную поддержку и помощь меценатов.

Используя частные средства, некоторые из них создавали свои научные и научно-практические учреждения. Так, Московское общество акклиматизации животных при финансовой помощи князей П. Д. Долгорукова и А. Г. Щербатова организовало на озере Глубоком в Рязком уезде первую в России озерную биологическую станцию, а на средства известного предпринимателя В. К. Феррейна – опытную пасаку и сельскохозяйственную бактериологическую станцию. Филантропическая помощь, оказанная Новороссийскому обществу естествоиспытателей, помогла сохранить жизнь Севастопольской биологической станции, на содержание которой в 1870–1880-х гг. катастрофически не хватало бюджетных средств. В 1880–1890-х гг. Лифляндское экономическое общество предприняло создание сети метеостанций. По свидетельству члена общества В. И. Срезневского, это было «в полном смысле слова общественным мероприятием, не пользовавшимся никакими субсидиями от правительства»²⁰. На рубеже 1890–1900-х гг. Саратовское общество любителей естествознания на деньги, пожертвованные князем А. А. Прозоровским-Голенищевым, основало Волжскую гидробиологическую станцию.

Благотворительность играла большую роль в развертывании экспедиционной работы научных обществ. Опираясь на поддержку земств и материальную помощь местных благотворителей, общества естествоиспытателей при университетах и общества по изучению местного края осуществили обследование Крыма, частично Кавказа и Урала, ряда губерний Центральной России, Волжско-Камского и Невского регионов, отдельных районов Сибири и Дальнего Востока. Меценаты иногда частично, а порой и целиком, финансировали экспедиции, целью которых было исследование еще сравнительно мало известных тогда территорий Российской империи за Уралом.

Особенно активны были меценаты-промышленники Сибири. Заинтересованные в развитии этого богатого края, они охотно финансировали изучение его природы и ресурсов. В середине 1850-х гг. Сибирское отделение Русского географического общества предприняло обследование рек Виллой и Оленек на средства золотопромышленника С. Ф. Соловьева. Другой крупный золото-

---

²⁰ Дневник XI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге. СПб., 1902. Вып. 10. С. 104.

промышленник и меценат М. К. Сидоров в 1859–1862 гг. организовал работу изыскательских отрядов, изучавших Туруханский край. В первой половине 1870-х гг. он жертвовал значительные суммы Русскому географическому обществу для исследования приполярных районов Сибири и поисков морского пути из Атлантического океана в Тихий, финансировал экспедиции норвежского мореплавателя И. Виггинса и полярного исследователя Н. Норденшельда. По выражению Семенова (Тянь-Шанского), Сидоров «осыпал нашу географию своим червонным золотом». Значительный интерес к изучению Сибирского Приполярья и водных путей Сибири, включая морские, проявлял известный меценат А. М. Сибиряков. В конце 1870-х и в 1880-е гг. он финансировал экспедиции Норденшельда и русского исследователя А. В. Григорьева, снаряжал свои собственные экспедиции и принимал личное участие в некоторых из них. Сибиряков тратил значительные средства на издание трудов по истории и географии Сибири; ему самому принадлежит ряд работ, посвященных этому краю.

В 1882 г. Петербургское общество естествоиспытателей по инициативе и на средства Воронцова-Дашкова предприняло изучение природы Алтая. В 1890-х гг. один из членов известной банкирской семьи Рябушинских – Ф. П. Рябушинский, – совсем еще молодой человек, увлеченный изучением Камчатки, которая тогда еще практически оставалась *terra incognita*, передал Русскому географическому обществу 200 тыс. руб. для организации и проведения комплексной Камчатской экспедиции. Он сам разработал ее программу и собирался принять в ней личное участие, но тяжело заболел. Камчатская экспедиция, организованная на пожертвованные им деньги, приступила к работе уже после его смерти, в 1900-х гг.

Финансовое участие меценатов в экспедиционной деятельности научных обществ вызывалось разными причинами. Среди «финансиров» были как те, кто испытывал к исследованию малоизученных территории своей страны научный интерес, так и те, кто руководствовался более практическими, коммерческими соображениями. В любом случае они способствовали познанию России, стимулировали развитие географической науки и связанных с ней разделов естествознания.

Частная и общественная благотворительность распространялась не только на научные учреждения или организации, но и на исследователей, которые оказывались в трудном материальном положении и без денежной поддержки не могли продолжать свою работу. Ярким примером может служить помощь, оказанная антропологу и этнографу Н. Н. Миклухо-Маклаю. В 1870-х гг., совершая прославившее его многолетнее экспедиционное исследование природы и коренного населения островов Океании, он не раз оставался без средств. Денег, ассигнованных на экспедицию Императорским Русским географическим обществом, под эгидой которого Миклухо-Маклай вел свою работу, катастрофически не хватало. Ученый был вынужден прибегать к займам у батавских и сингапурских банкиров под залог своего имущества, а иногда из-за безденежья не мог продолжать свои экспедиции. Чтобы поддержать его в фонд Русского географического общества переводили деньги некоторые филантропы – П. П. Демидов (князь Сан-Доминго), князь А. А. Мещерский, Б. Л. Нарышкин, П. М. Третьяков, И. С. Тургенев. Эти денежные вливания до

некоторой степени облегчали положение исследователя, но не избавляли от материальных затруднений, постоянно возникавших в ходе экспедиции, в том числе от накапливавшихся долгов.

В особенно тяжелой ситуации ученый оказался в 1878–1879 гг., когда в Сингапуре местные банкиры за долги наложили арест на его экспедиционное имущество, в том числе на рукописи, дневники наблюдений, рисунки, коллекции и т. п., угрожая продать их «с молотка». Миклухо-Маклай стал заложником своих кредиторов. Он был изнурен тропической лихорадкой, страдал от болезней и безденежья, а главное, от беспокойства за судьбу своих научных материалов, от невозможности их спасти и продолжать работу. Русское географическое общество практически отказало ему в помощи. Как много лет спустя писали его руководители, оно «было поставлено в полную невозможность оказать ему необходимую помощь», во-первых, «по недостатку средств», а во-вторых, потому что тематика исследований Миклухо-Маклая формально выходила за рамки тематики, установленной регламентом ИРГО, который ограничивал исследования ученых «лишь изучением отечества и сопредельных стран»²¹.

Некоторые коллеги Миклухо-Маклая, хорошо осознававшие ценность его исследований и ответственность научного сообщества России за судьбу как результатов его уникальной экспедиции, так и самого ученого, пытались помочь ему: обращались к властям и авторитетным научным организациям, стремились привлечь к драматической ситуации, в которой оказался известный ученый и путешественник, внимание филантропов и передовой общественности.

Среди тех, кто старался организовать поддержку Миклухо-Маклая, был вице-председатель Географического общества Семенов (Тян-Шанский). В архиве Российской академии наук среди материалов личного фонда Богданова хранится письмо Семенова от 4 мая 1879 г. с просьбой помочь исследователю, попавшему в беду. Он писал:

Оказать помощь Миклухо-Маклаю, выручить его из безвыходного положения, спасти его силы для пользы отечественной науки является делом крайней необходимости, сказать правильнее – это прямой долг русского общества.

Примечательно, что он рассчитывал прежде всего на помощь филантропов и обращался к Богданову как деятелю, пользовавшемуся доверием и уважением московских меценатов, призывал его употребить все силы и влияние «для того, чтобы снискать у частной благотворительности в Москве средства для помощи нашему бедствующему ученому» и обращался с просьбой принять дело его поддержки под свое «покровительство в Москве» и присоединиться к учеными Петербурга

в стремлении помочь русскому антропологу, который, работая в интересах русской науки, сумел снискать себе всеобщую известность и даже удивление между учеными, знакомыми с его трудами²².

²¹ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 2. С. 942.

²² АРАН. Ф. 446. Оп. 3. Д. 82. Л. 1–2.

Миклухо-Маклая поддержало российское образованное общество, как крупные «частные благотворители», так и «люди среднего достатка». Петербургская газета «Голос» 12 ноября 1879 г. опубликовала материал о путешествиях и исследованиях его, а также о тяжелой ситуации, в которой он оказался. Редакция подчеркивала: «Честь и достоинство русского общества требуют принятия немедленных мер для пособия известному русскому ученому»²³.

Материал «Голоса» перепечатал ряд других газет, был организован сбор средств, в результате которого удалось набрать сумму, позволившую частично погасить долги и несколько разрядить обстановку. По-видимому, кампания, инициированная учеными и поддержанная обществом, повлияла на позицию властей, включая «верховную власть». Во всяком случае в самом начале 1880-х гг. Александр III, вступивший на престол, «пожаловал» Географическому обществу 12 тыс. руб. «на покрытие долгов Миклухо-Маклая по путешествию» и 8 тыс. руб. для обработки материалов экспедиции²⁴.

Одна из характерных черт культурной жизни в пореформенный период состояла в том, что она развивалась, как не раз отмечали современники, «под знаком просветительства». Особенно ярко это проявилось в развертывании движения за популяризацию науки. Ученые считали пропаганду научных знаний первостепенным условием развития науки, поскольку это «возбуждает интерес к ней в обществе», воспитывает «понимание ее значения и задач», расширяет ее социальную основу, так как позволяет, по словам К. А. Тимирязева,

найти себе опору не в одних представителях просвещенного абсолютизма или меценатах какого бы то ни было вида, а на более широком фундаменте широкого сочувствия науке²⁵.

Популяризация науки занимала видное место в работе научных обществ, как столичных, так и провинциальных. Они устраивали научно-образовательные чтения и публичные лекции для широкой публики, организовывали научно-просветительные выставки и музеи. Их начинания активно поддерживали видные деятели культуры, тысячи образованных людей, принадлежавших к разным социальным слоям, научная и передовая общегражданская печать.

Значительную финансовую помощь оказывали представители «торгово-промышленной среды». При организации научно-просветительных предприятий и учреждений особенно наглядно и ярко проявилась роль общественной инициативы и частной благотворительной поддержки. Весьма показателен в этом отношении опыт проведения знаменитых московских естественно-научных выставок, которые в 1860–1870-х гг. устраивало Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

Первая из них – этнографическая, – работавшая в течение мая – июня 1867 г. в здании Манежа, стала крупным событием в культурной жизни Москвы. Ее целью было, во-первых,

²³ Цит. по: *Путтилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай. М., 1981. С. 86.

²⁴ *Семенов.* История полувековой деятельности... С. 942.

²⁵ *Тимирязев К. А.* Развитие естествознания в 60-е годы // *Тимирязев К. А.* Полное собрание сочинений. М., 1908. Т. 8. С. 168–169.

познакомить публику с особенностями обитателей наиболее характерных для различных местностей России, ... возбудить большой интерес к этнографическим и антропологическим исследованиям ... и, во-вторых, положить с помощью выставки основание по возможности полному русскому этнографическому музею в Москве²⁶.

Выставка имела большой успех. Ее посетили более 85 тыс. человек, причем, как отмечали газеты, это были не только москвичи или «деловые гости первопрестольной», но и люди, специально приезжавшие из других губерний, чтобы познакомиться с ее экспонатами. Она финансировалась в основном за счет частных пожертвований, средств ОЛЕАЭ и денег, вырученных за входные билеты. Некоторую денежную помощь оказали московские власти. Необходимо отметить, что Этнографическая выставка была не только научно-просветительным, но и значительным коллективным научным предприятием. В процессе ее подготовки ученые, опираясь на местную интеллигенцию, обследовали ряд губерний Северной, Центральной и Южной России. Экспедиции работали целиком на частные средства без всякой помощи со стороны правительства. Общественный характер этого предприятия проявился еще и в том, что в адрес ОЛЕАЭ из разных губерний и краев Российской империи поступали денежные пожертвования и посылки с образцами одежды, утвари, изделий народных промыслов, картинами, гравюрами. Экспонаты выставки стали основой для создания первого и тогда единственного музея этого рода – Дашковского этнографического музея при Московском университете, названного так по имени одного из организаторов и «финансиров» выставки, известного коллекционера, мецената и этнографа-любителя В. А. Дашкова.

Крупным общественным, научным и культурным предприятием общероссийского масштаба стала Политехническая выставка, или, как она первоначально называлась, Выставка прикладного естествознания. По замыслу ученых, разрабатывавших ее программу, – А. П. Богданова, А. Ю. Давидова, А. Г. Столетова, Г. Е. Щуровского и других, – она должна была показать применение в различных областях жизни «естественно-исторических, физико-технических и технических знаний»²⁷. Именно поэтому к ее организации и проведению был привлечен широкий круг участников: Академия наук, ведущие научные общества, владельцы промышленных предприятия, крупные землевладельцы, государственные ведомства – путей сообщения, морское, горное и некоторые другие. Активное участие правительственных структур во многом было обусловлено тем, что выставка была приурочена к празднованию 200-летия со дня рождения Петра I.

Политехническая выставка открылась 30 мая 1872 г. В центре города на территории, охватывавшей Соляную, Лубянскую и Воскресенскую площади, Александровский сад и Кремлевскую набережную, были выстроены десятки павильонов, которые демонстрировали успехи прикладного естествознания, достижения технической мысли и их приложения к промышленности, железнодорожному строительству, почтовому, морскому и горному делу, сельскому хозяйству и медицине. Они знакомили посетителей с оборудованием и про-

²⁶ Девятое заседание 14 мая 1865 года. Резолюция // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1866. Т. 3. Вып. 1. С. 119.

²⁷ Вестник Политехнической выставки. М., 1872. С. 132.

дукцией промышленных предприятий, «произведениями природы» различных регионов страны и их практическим использованием. В составе выставки действовал исторический отдел, в некоторых павильонах были выставлены предметы старины. Успех выставки превзошел все ожидания организаторов. За три летних месяца ее посетили более 750 тыс. человек, причем многие приезжали «из самых отдаленных углов». Ее просветительное значение было огромно. Посетители могли не только познакомиться с экспонатами, но и прослушать объяснения специалистов и даже целые курсы лекций, которые читали видные московские ученые, например, астроном Ф. А. Бредихин, физик Н. А. Любимов, историк С. М. Соловьев.

Выставка была объявлена «состоящей под Высочайшим покровительством», однако материальная помощь правительства была более чем скромной. Из 255 тыс. руб., официально ассигнованных на ее подготовку и проведение, власти реально отпустили всего 20 тыс. руб., между тем как благотворительные средства составили капитал, достигавший 300 тыс. руб. Значительные денежные суммы поступали от крупных предпринимателей, заинтересованных в демонстрации своей продукции, и известных меценатов, среди которых были П. И. Губонин, К. Ф. фон Мекк, П. Г. фон Дервиз, Н. А. Найденов, Т. С. Морозов, С. М. Третьяков и другие. Обращает на себя внимание активность представителей торгово-промышленного мира. Они, как и ученые, входили в состав комитета по ее устройству, собирали денежные средства и экспонаты, закупали строительный материал, выступали как кураторы ее некоторых профильных отделов – промышленного, железнодорожного и других.

Несмотря на то что Политехническая выставка официально работала под патронажем государства, по своему существу она представляла общественное предприятие. Именно так она была задумана, такой была по характеру организации, основным источникам финансирования и той поддержке, которую оказывало ей российское общество. Для ее организаторов это имело принципиальное значение. В проспекте, выпущенном к открытию выставки, они специально подчеркивали:

Предприятие началось по частной инициативе, первые средства для его осуществления были частные средства и частные пожертвования, и для успеха необходимо, чтобы оно оставалось на той же почве и чтобы те же частные средства и помощь частных людей помогли ему достигнуть и до главной из конечных целей его, до осуществления общеобразовательного Политехнического музея²⁸.

Чисто общественным научным и просветительным мероприятием была Антропологическая выставка, работавшая в Манеже летом 1879 г. Правительство не дало на ее организацию и проведение ни рубля. Научные учреждения и общества, ученые, антропологи-любители и коллекционеры присылали в фонд выставки деньги, а главное – свои собрания и отдельные предметы, причем не только для временного экспонирования, но и в дар Московскому университету. Для подготовки выставки ее главному организатору Богданову

²⁸ Политехническая выставка с Высочайшего соизволения Государя императора имеющая быть открытой 30 мая 1872 г. в Москве. М., 1871. С. 18.

удалось собрать около 100 тыс. руб. Эту сумму составили взносы ее участников и благотворителей. Размер пожертвований колебался от 5–10 руб. до нескольких десятков тысяч рублей, «в зависимости от желания и состояния каждого». В основу собранного Богдановым фонда легли многотысячные вклады меценатов-промышленников: А. Б. Казакова, Л. С. Полякова, В. Х. Спиридонова, Ф. А. Терещенко, П. Н. Цветухина и других. За несколько месяцев работы выставку посетили 25 тыс. человек, и это было немало, если учесть, что она была посвящена такой сравнительно еще молодой в то время и специальной научной дисциплине, как антропология. Выставка стала не только просветительным, но и «ученым предприятием». В ее рамках работал первый в России антропологический конгресс, в котором участвовали представители почти всех университетов страны, Академии наук, многих научных обществ, зарубежные ученые. Экспонаты, представленные на выставке, были открыты для широкой публики и в то же время служили материалом для работы ученых-участников конгресса и научных дискуссий.

Московские научные выставки 1860–1870-х гг. подготовили появление научно-просветительных центров общенационального значения. Одним из них был Московский зоологический сад – первый в России. Мысль о специальном учреждении «как средстве для развития зоологической науки и учебного дела» родилась во второй половине 1850-х гг. среди молодых зоологов Московского университета, группировавшихся вокруг профессора К. Ф. Рулье. Осуществить эту идею ученикам и последователям Рулье удалось несколько лет спустя, уже после его смерти. Зоологический сад – «музей живой природы» – был открыт в январе 1864 г. По замыслу ученых – его создателей: А. П. Богданова, Я. В. Борзенкова, Н. А. Северцова, С. А. Усова, – он должен был объединить несколько функций: стать очагом исследований в области акклиматизации животных, зоопсихологии, экологии и тому подобных направлений зоологической науки, учебной базой для зоологических кафедр университета, а также «служить образовательным целям, то есть распространению зоологических знаний в массе публики»²⁹. Его открытию предшествовала выставка, организованная в 1863 г. Комитетом акклиматизации животных. На ней демонстрировались птицы, домашние и дикие животные, приобретенные для будущего зоологического сада или подаренные спонсорами. Доход от выставки, около 10 тыс. руб., а также ее «живые экспонаты», составили первичную материальную базу для создания будущего научно-просветительного учреждения.

Жизнь Зоологического сада, особенно в первые десятилетия его истории, была нелегкой. Вместо 30 тыс. руб. правительство отпустило всего 10 тыс. руб., а вместо ежегодной субсидии в 6 тыс. руб., предназначенной для его содержания, выплачивало не более половины этой суммы. Расходы по содержанию зоосада намного превышали его доходы, формировавшиеся за счет небольших и нерегулярных выплат из казны и платы за входные билеты. В течение 1860–1880-х гг. он практически не выходил из состояния кризиса. Из-за острой нехватки средств его организаторы вместо развертывания научной, учебной и просветительной работы были вынуждены бороться за жизнь свое-

²⁹ Из черновой записки А. П. Богданова о деятельности Московского зоологического сада // АРАН. Ф. 446. Оп. 1-а. Д. 57. Л. 11.

го детища. Он смог выжить только благодаря энтузиазму ученых и поддержке «сознательных и образованных граждан Москвы». Благотворительный капитал составлял не менее двух третей его бюджета. Состав благотворителей был очень пестрым в социальном и имущественном отношении. Денежные взносы делали император Александр II и великие князья, профессора и студенты высшей школы, преподаватели и даже ученики гимназий. Саду покровительствовали видные деятели промышленности и торговли: Я. Н. Бабкин, С. Д. Воронин, М. П. Гучков, П. И. Губонин, Л. В. Поляков, Е. М. Скворцов, Н. К. Феррейн и другие. Благотворители приобретали и дарили животных, иногда редких и ценных, закупали корм, принимали активное участие в обустройстве территории, оказывали помощь деньгами. Бывали случаи, когда своевременная финансовая поддержка спасала молодое научно-просветительное учреждение от гибели. Незадолго до смерти Богданов, вспоминая о перипетиях борьбы за сохранение Зоологического сада, рассказал, в частности, о том, как во время одного из тяжелейших кризисов поехал к одному из «финансиров», крупному железнодорожному подрядчику П. И. Губонину, «поклониться с просьбой спасти погибающее хорошее дело». Необходимо было получить 20 тыс. руб. не позже чем через пять дней, «ибо на шестой кормить зверей уже будет нечем». Губонин, сам испытывавший в то время серьезные денежные затруднения, в помощи не отказал. Богданов приводит его ответ на просьбу:

Трудно мне, – сказал мне Петр Ионович, – но не погибать же из-за денег хорошему русскому делу? [...] Поезжайте домой и спите спокойно. Мы с Вами много поработали на Политехнической выставке и знаем друг друга. Через пять дней у Вас будут 10 тысяч рублей, а через две недели еще 10 тысяч рублей. Не благодарите: мне тяжело теперь уделить такую сумму, но еще тяжелее будет на сердце, если не помогу хорошему делу». Деньги были даны, и кризис прошел благополучно ³⁰.

При широкой общественной поддержке, в том числе финансовой, создавался и начинал свою работу московский Политехнический музей. Он был открыт 12 декабря 1872 г. и в первое время располагался во временном помещении на Пречистенке. Первоначальной основой его коллекций стали экспонаты Политехнической выставки, а средства, вырученные за время ее работы, составили базовый учредительский фонд. На постройку специального здания для музея Александр II распорядился отпустить «от 400 до 500 тыс. руб. на три года». Городская дума предоставила «весьма ценное и центральное место» на Лубянской площади. Реальная стоимость строительства значительно превысила собственные средства музея и правительственные субсидии, вместе взятые. Существенную помощь оказали московские промышленники, вносявшие деньги в фонд комитета по его строительству, закупавшие строительный материал, оплачивавшие земляные работы. Сооружение здания было завершено в 1877 г. Оно возводилось по проекту известного архитектора И. А. Монигетти и до сих пор является одной из достопримечательностей Москвы.

³⁰ АРАН. Ф. 446. Оп. 1-а. Д. 55. Л. 7 об.

Средства музея формировались за счет ежегодных субсидий государства, которые выплачивались нерегулярно и к тому же не в полном объеме; денег, вырученных от продажи изданий; платы за входные билеты и филантропических пожертвований. Значительный объем благотворительных средств составляла финансовая помощь деятелей культуры, представителей научной и технической интеллигенции, промышленных кругов не только Москвы, но и других городов Российской империи. Большую поддержку музею оказывали его сотрудники, т. е. ученые, благодаря энергии и усилиям которых он был создан; они читали в его пользу платные публичные лекции, нередко на собственные средства приобретали экспонаты, вносили деньги на его содержание.

Политехническая выставка 1872 г. дала начало не только музею прикладных знаний, но и национальному Историческому музею. Мысль о нем родилась в ходе подготовки Севастопольского отдела выставки, который представил находки известного археолога графа А. С. Уварова, сделанные во время раскопок в окрестностях Севастополя, и реликвии героической обороны города в годы Крымской войны. С идеей создания музея выступили организаторы Севастопольского отдела: участник обороны Севастополя генерал-лейтенант А. А. Зеленой, полковник Н. И. Чепелевский, археолог А. С. Уваров; ее активно поддержал наследник престола великий князь Александр Александрович, с юных лет интересовавшийся отечественной историей, одобрил император Александр II. Несмотря на то, что музей учреждался под эгидой царской семьи и, казалось бы, не должен был нуждаться в средствах, он практически не выходил из хронического безденежья и долгов. В 1883 г., когда он официально открылся, его здание на Красной площади еще не было достроено. В 1885 г. И. Е. Забелин, исполнявший обязанности «товарища председателя Управления музеем», сравнил его состояние с положением «парализованного больного и несостоятельного должника». Здесь, как и во многих других подобных случаях, сказалось явление, характерное для властей во все времена российской истории – «недофинансирование» учреждений культуры.

При создании и в первые десятилетия работы Исторического музея огромную роль играла поддержка российского общества. Пожертвования на строительство здания и приобретение экспонатов поступали от научных обществ и объединений промышленников, представителей интеллигенции и купечества. Во многом за счет даров благотворителей формировалась его экспозиция, пополнялись музейные фонды и библиотека. Свои коллекции жертвовали антропологи, археологи, историки, коллекционеры, библиофилы, например, Д. Н. Анучин, А. П. Богданов, И. Е. Забелин, Д. Н. Самоквасов, В. И. Семевский, А. С. Уваров, П. С. Уварова, П. И. Щукин, великий князь Сергей Александрович и многие другие.

Частной инициативе и общественной поддержке обязаны своим рождением провинциальные музеи – естественно-научные, историко-археологические или универсальные, получившие впоследствии название краеведческих, которые в 1870–1880-е гг. один за другим возникали в губернских и даже некоторых уездных городах. В большинстве случаев они создавались при минимальной помощи местных властей, главным образом на средства меценатов и пожертвования населения. В 1870 г. инспектор симбирской гимназии В. А. Ауновский на свои средства основал музей «естественно-исторических

предметов и технико-хозяйственных продуктов губернии». В 1877 г. видный общественный деятель и археолог-любитель П. В. Алабин организовал в Вятке музей «естественных богатств и успехов края». Крупный промышленник и коллекционер Д. Г. Бурьлин создал музей и библиотеку в Иваново-Вознесенске.

Одним из самых первых и самых известных музеев Сибири был Минусинский музей, созданный по инициативе и на средства Н. М. Мартьянова, занимавшего пост управляющего городской «вольной» аптекой. Для его создания сам Мартьянов и ряд других местных коллекционеров передали городу свои естественно-научные и этнографические собрания. По замыслу устроителей он должен был, во-первых, стать центром сосредоточения сведений о местных «естественно-исторических и промышленных произведениях и бытовых особенностях жителей», а во вторых,

служить распространению естественно-исторических, этнографических и промышленных знаний вообще и касающихся Минусинского округа в особенности.

По свидетельству Мартьянова, музей получил право на жизнь «только благодаря сочувствию общества»³¹. Горожане и окрестные жители охотно поддерживали его деньгами, дарили собранные ими минералы и образцы полезных ископаемых, гербарии, муляжи и изображения животных, «предметы старинного быта». Вплоть до конца столетия он существовал исключительно на благотворительные средства. Подобный же характер имели музеи местного края, возникшие в течение 1880–1890-х гг. в ряде других городов Сибири: Ачинске, Владивостоке, Красноярске, Кяхте, Нерчинске.

В 1885 г. Нижегородская земская управа по инициативе В. В. Докучаева и при его активном участии учредила губернский Естественно-исторический музей. Основу его экспозиции составили коллекции, собранные ученым в ходе его знаменитых почвенных экспедиций. Местные жители, главным образом землевладельцы, собрали для его организации более 2 тыс. руб. Эта сумма вдвое превысила ассигнования местной земской управы. Два года спустя, опираясь на опыт его работы, Докучаев разработал «Примерный устав губернского естественно-исторического музея». Он рассматривал эти учреждения как опорные пункты для стационарного изучения регионов России и развития научной и просветительной деятельности на местах. Они должны были знакомить местную публику «с естественными богатствами своего края», издавать посвященные им труды и популярные брошюры, организовывать популяризацию научных знаний среди населения, «содействовать разрешению практических сельскохозяйственных и промышленных вопросов»³².

Эти принципы легли в основу работы музеев местного края, возникших в течение последних десятилетий XIX в. Кишиневе, Костроме, Перми, Полтаве, Самаре, Симферополе, Чернигове и ряде других городов Российской

³¹ Протоколы и речи VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге. СПб., 1880. С. 40.

³² СПФ АРАН. Ф. 184. Оп. 1-а. Д. 55.

империи. К концу столетия их было уже более 200. Опираясь на местную интеллигенцию, они формировали свои коллекции, при материальной поддержке благотворителей, а также центральных и провинциальных научных обществ, устраивали поисковые экспедиции, создавали «ученые кабинеты» и библиотеки. Во многих регионах страны, особенно в отдаленных губерниях это были единственные очаги научной деятельности и просветительной работы. Они стали первыми ласточками краеведческого движения, широко развернувшегося позднее, в начале XX в.

Итак, социальная активность ученых, поддержанная, по выражению тех лет, «деятельным сочувствием разумных общественных сил», изменяла жизнь науки и мало-помалу превращалась в один из факторов ее развития. Существенную роль при этом играло филантропическое движение, направленное на поддержку научной деятельности. Его инициаторами и организаторами были сами творцы науки, в нем принимали участие столпы российского бизнеса, многочисленные представители интеллигенции. Благотворительная финансовая помощь научным учреждениям, обществам, ученым, как мы видели, не только помогала латать дыры бюджетного финансирования, но и позволяла основывать и содержать на частные средства новые очаги научной творческой работы, расширять экспедиционные исследования, активизировать и облекать в новые формы научно-просветительную работу.

В пореформенной России, как известно, развивались процессы и возникали проблемы, до некоторой степени похожие на современные. Российская империя переживала «перестройку», на историческую арену выходили новые социальные силы, перед страной, как и сегодня, остро стояла задача модернизации. Многие из тех, кто составлял тогда «разумные общественные силы», самым надежным средством, которое позволит ее решить, считали науку и были убеждены, что ответственность за ее состояние и развитие должно нести не только государство, но и общество.

Благотворительная помощь научной деятельности в пореформенные десятилетия – это большая, сложная и актуальная тема. Она требует всесторонней разработки, но пока еще ждет своих исследователей. Данная статья, разумеется, не претендует на рассмотрение всех аспектов филантропической поддержки науки. Ее цель состояла в том, чтобы, во первых, на конкретном историческом материале показать значение частной и общественной благотворительности для расширения и подъема научной деятельности, а во вторых, вернуть истории забытые имена тех, чья материальная и организационная помощь отечественной науке во второй половине XIX в. способствовала ее расцвету и успехам. Гражданам современной России следует знать и помнить о заслугах деятелей науки, привлекавших частный капитал и организовавших коллективные акции для поддержки исследовательской и просветительной работы. Благодарную память заслужили многие деятели российского бизнеса той поры, вносившие многотысячные пожертвования в фонды высших учебных заведений и научных обществ, финансировавшие экспедиционные исследования и просветительные мероприятия, создавшие на свои средства очаги научно-исследовательской и научно-просветительной работы.